

На правах рукописи

Никонова Ольга Юрьевна

**ОСОАВИАХИМ И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
(1927–1939 ГГ.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2013

Работа выполнена на кафедре «История» ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет)

Официальные оппоненты: **Невежин Владимир Александрович**
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник, ФГБУН Институт российской истории
РАН.

Потемкина Марина Николаевна
доктор исторических наук, профессор, заведующая
кафедрой новой и новейшей истории, ФГБОУ ВПО
«Магнитогорский государственный университет».

Фельдман Михаил Аркадьевич
доктор исторических наук, профессор,
кафедра государственного и муниципального
управления, Уральский институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

Ведущая организация: Кафедра новейшей истории России ФГБОУ ВПО
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

Защита состоится 28 июня 2013 г. в 15-00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном
университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского
государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В 2001–2010 гг. Правительством Российской Федерации были приняты три государственные программы патриотического воспитания граждан. Закрепленный в них комплекс мероприятий свидетельствует о непрекращающемся поиске эффективных методов патриотического воспитания и активном использовании опыта прошлых лет. Повышенное внимание органов государственной власти и российской общественности к проблемам патриотического воспитания граждан страны, осознание глубокой потребности в формировании патриотических и гражданских ценностей у населения делает проблему научного изучения феномена патриотизма, практик и методов патриотического воспитания чрезвычайно актуальной.

За последнее десятилетие патриотизм занял важное место в тематике исследований различных гуманитарных наук. Общие, теоретические вопросы изучения этого феномена, а также аспекты, связанные с его бытованием в современной России, отражены во множестве научных статей и монографий. Вместе с тем конкретно-исторические проявления патриотизма, обусловленные особенностями исторической эпохи трактовки и подходы к его культивированию, остаются недостаточно изученными. Это относится, прежде всего, к советскому патриотизму – первому государственному «проекту» массового патриотического воспитания. Его масштабность диссонирует с отсутствием методологически современного и комплексного изучения данной темы в российском и международном историографическом ландшафте, а также существенными пробелами в исследованиях региональных (локальных) аспектов патриотической проблематики.

Изучение исторических форм военно-патриотического воспитания имеет и важное прикладное значение. Оборонно-массовая работа, которую проводил Осоавиахим в конце 1920-х – 1930-е гг., является источником опыта, уже прошедшего проверку историей, но еще недостаточно всесторонне изученного. Возвращение Российской оборонной спортивно-технической организации (РОСТО) исторического названия ее предшественника ДОСААФ в 2009 г. – символическое признание значимости практик военно-патриотического воспитания, выработанных этим социальным институтом, для современного

государства¹. Многие мероприятия, закрепленные в государственной программе патриотического воспитания на 2011–2015 гг.², нацелены на возрождение традиций Осоавиахима – ДОСААФ. Вместе с тем использование опыта работы советского оборонного общества требует создания объемной, многоаспектной картины его деятельности, включающей не только достижения, но и просчеты, центральное и региональное измерения его истории, учитывающей практики военно-патриотического воспитания в своеобразных локальных социумах.

Объектом исследования является центральный институт военно-патриотического воспитания межвоенного периода в СССР – Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства «Осоавиахим» (далее – Осоавиахим)³.

Предмет исследования – официальный патриотический дискурс («советский патриотизм»), его групповые и локально-групповые интерпретации, формы и методы военно-патриотического воспитания, которые использовались в системе Осоавиахима в годы межвоенной паузы.

Хронологически исследование охватывает период с 1927 по 1939 гг. Нижняя временная граница исследования обусловлена созданием в 1927 г. единой военно-патриотической организации общесоюзного значения, получившей название Осоавиахим. Верхняя граница обозначает завершение межвоенного этапа: в 1939 г. началась Вторая мировая война, которая привела к трансформации официального патриотического дискурса и к изменениям интерпретационных моделей населения, вызвала институциональные трансформации в системе Осоавиахима и корректировку практик военно-патриотического воспитания.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2009 г. № 973 «Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России»». См.: Российская газета. 2009. 7 декабря; Краткую справку по истории преобразований Осоавиахим – ДОСААФ – РОСТО см.: <http://www.dosaaf.ru/home/istoriya>

² См.: Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2015 годы»». Здесь же опубликована и сама государственная программа: <http://правительство.рф/gov/results/12530/>

³ Полное название общества приводится по: Устав Союза обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства. М., 1927.

Территориальные рамки исследования определяются с учетом исторических особенностей районирования СССР в рассматриваемый период. В 1923 г. Урал, сохранявший традиционное деление на губернии, был превращен в область с административным центром в Екатеринбурге. В состав Уральской области вошли 15 округов: Златоустовский, Нижне-Тагильский, Курганский, Троицкий, Челябинский, Екатеринбургский (затем Свердловский), Верхне-Камский, Коми-Пермяцкий, Шадринский, Ишимский, Кунгурский, Тюменский, Тобольский, Сарапульский, Ирбитский, а также Коми-Пермяцкий, Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский национальные округа. В начале 1934 г. после разукрупнения на данной территории образованы Свердловская, Обь-Иртышская и Челябинская области. В 1938 г. из Свердловской была выделена Пермская область. Структура местной организации Осоавиахима соответствовала административно-территориальному делению уральского региона, что обусловило и принципы формирования архивных фондов.

Уральский областной Осоавиахим по территориальному охвату и официальной численности был одним из крупнейших отделений оборонного общества. Наличие на территории региона больших индустриальных строек позволяет проследить влияние ключевых социально-экономических процессов эпохи на рассматриваемую проблему. Значимость вопроса о соотношении патриотизма и локального национализма обусловила привлечение материалов по истории Осоавиахима Башкирской автономной республики. Она не входила в Уральскую область как административно-хозяйственная единица, но традиционно считается частью «Большого Урала».

Так как изучение практик военно-патриотического воспитания в региональном разрезе невозможно без реконструкции основ официального патриотического дискурса и централизованной политики в этой области, в диссертации также анализируются общесоюзные аспекты деятельности Осоавиахима.

Степень научной изученности темы. Советский научный дискурс о патриотизме сформировался как совокупность его официальных толкований. В общетеоретических работах советский патриотизм позиционировался как уникальное явление мировой истории – патриотизм «высшего типа», «передовая общественная идея», «могучий фактор общественного развития». Его важнейшей чертой считалось коренное отличие от многообразных

«буржуазных» «-измов»⁴. Абстрактность рассуждений, соединенная с общепринятыми ссылками на героические традиции народов СССР (и в особенности русского народа), приводила к упрощенному пониманию этого феномена: сведению к государственной идеологии и массовому «патриотическому сознанию» советских людей.

Важность модернизации взглядов исследователей на советский патриотизм в конце 1990-х гг. обозначил С. В. Константинов, подчеркнувший, что он «был гораздо более сложным явлением в нашей истории, чем это изображается»⁵. Однако процесс переосмысления идет медленно. Среди трудов, изданных за последние два десятилетия, преобладают философские и военно-философские исследования, а также литература о патриотизме в современном российском обществе⁶. Как правило, о советском патриотизме в них можно найти лишь самые общие упоминания, опирающиеся на доперестроечные историографические стереотипы. Исторические исследования, посвященные этой теме, появляются достаточно редко. Этот факт демонстрирует силу инерции абстрактного рассмотрения патриотизма в отрыве от его конкретно-исторических форм и сохраняющийся дисбаланс между потребностями научного осмысления патриотизма и реальным состоянием историографии.

Зарубежный опыт изучения советского патриотизма слабо интегрирован в российский научный ландшафт. Историография Осовавиахима ни проблемно, ни

⁴ См.: Щур П. Советский патриотизм – движущая сила развития социалистического общества : дис. ... канд. фил. наук. М., 1950; О советском патриотизме : сб. статей. М., 1952; Губанов Н. И. Отечество и патриотизм. М., 1960; Макаров В. В. Патриотизм как явление общественного сознания: его источники и структура : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1969; Копылов И. Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа. М., 1982; Семиохин А. М. КПСС и патриотическое воспитание трудящихся. Тула, 1981; Саидкасимов С. С. Советский человек – патриот-интернационалист. Ташкент, 1982; Патриотическое сознание : сущность и формирование / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск, 1985; Мирский Р. Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1987 и др.

⁵ Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП (б) 30-х гг. // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 226.

⁶ Мельниченко И. И. Патриотизм в системе социальных ценностей офицерского корпуса России (Философско-политологический анализ) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1996; Гидиринский В. И. Русская идея и армия. М., 1997; Лутовинов В. И. Патриотизм : проблемы формирования у молодежи в современных условиях (социально-философский анализ). М., 1997; Терентьев А. А. Патриотизм и русское национальное самосознание. Нижний Новгород, 2005; Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ. Иваново, 2007.

тематически, ни методологически не пересекается с исследованиями советского патриотизма. Эта тема по сложившейся традиции считается «доменом» военных историков, которые, как правило, редко выходят за пределы институциональных и политических аспектов истории оборонного общества. При наличии множества эмпирических исследований, посвященных общесоюзному и региональным обществам Осоавиахима, его история слабо вписана в контекст интерпретаций раннего сталинизма. Таким образом, при изобилии научных работ, посвященных патриотической тематике, проблема советского патриотизма, советских методов и практик патриотического воспитания остается малоизученной. Методологические и общетеоретические основы трудов о советском патриотизме и оборонной организации Осоавиахим не отвечают современному уровню разработки этой проблемы в мировой историографии.

Цель диссертации заключается в исследовании теории и практики патриотического воспитания и военного обучения советских граждан в рамках оборонного общества Осоавиахим.

Для ее достижения необходимо решить следующие **задачи**:

– рассмотреть особенности складывания патриотического дискурса в историческом контексте, подходы и трактовки понятия патриотизм в истории и современной историографии;

– выявить степень изученности темы советского патриотизма и военно-патриотического воспитания, истории Осоавиахима в современной российской и зарубежной историографии;

– реконструировать идеологические основы официального патриотизма межвоенного периода и его рецепцию различными группами советского населения;

– изучить подходы к военно-патриотическому воспитанию в советской военной мысли, роль опыта прошедших войн в разработке концепции оборонной организации;

– охарактеризовать организационные аспекты истории Осоавиахима в центре и на Урале: институциональную структуру, органы управления, социальный состав обществ, руководителей и инструкторов;

– проанализировать формы и методы военно-патриотического воспитания, применявшиеся в Осоавиахиме, их региональную специфику, роль оборонного

общества в системе военной подготовки населения СССР и процессах социальной мобилизации межвоенного периода;

– раскрыть организационные, институциональные и кадровые особенности оборонного общества в уральском регионе, формы и методы вовлечения женщин и нерусских национальностей в систему военно-патриотического воспитания;

– оценить эффективность оборонного общества региона и его функциональную роль в уральском социуме в конце 1920-х – 1930-х гг.

Методологической основой диссертация является междисциплинарный подход, базирующийся на использовании теоретического инструментария нескольких гуманитарных дисциплин – различных отраслей истории (истории опыта, повседневной истории, культурной истории), социологии, гендерной теории. Важным исходным пунктом, определяющим методику подбора и анализа исторического материала, является определение границ понятия «патриотизм». В диссертации патриотизм рассматривается не как комплекс первичных и вторичных эмоциональных привязанностей индивидуума, а, с одной стороны, как дискурс, предметом которого являются взаимоотношения между субъектом и «местом его проживания» (в его политическом, пространственном, временном, локальном измерениях), а с другой, как элемент самоидентификации и поведенческих практик этого субъекта.

При характеристике советского патриотизма продуктивным оказалось использование концепции немецкого социолога П. Фукса, считающего патриотизм коммуникативной практикой, нацеленной на достижение единства общества⁷. С этой точки зрения, патриотизм – это динамичный нарратив, в создании которого в равной степени участвуют две стороны – власть (политические институты господства) и субъект, что нацеливает на выделение в патриотической семантике символов, означенных властью, и комплексов, характеризующих привязанности субъекта, формы и пути присвоения им официальных образов. Формальная и неформальная коммуникация на патриотическую тему, а также конфликтные ситуации помогают выявить собственные смыслы, которыми наделялся официальный патриотический дискурс.

⁷ Fuchs P. Die Erreichbarkeit der Gesellschaft. Zur Konstruktion und Imagination gesellschaftlicher Einheit. Frankfurt / Main, 1992. S. 150–173.

Функциональный аспект – производство солидарного «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон⁸) – роднит патриотизм с другими «-измами» современной эпохи⁹ и делает их четкое разграничение вторичным. В конкретных исторических условиях патриотизм вписывается в «мозаику» дискурсов на принципах сосуществования и конкуренции и вносит свой вклад в формирование идентичности.

В определении коммуникации также заложено понимание анализируемого феномена как процесса. С одной стороны, это акцентирует динамичность советского патриотизма, в разное время наполнявшегося различным идейным содержанием. С другой стороны, это переносит центр тяжести при его анализе на патриотические практики и ритуалы, в ходе которых вырабатывались, присваивались и воспроизводились смыслы и образы советской любви к родине. Концентрация на действии, которое позиционировалось как патриотическое в контексте господствовавшего дискурса, важна при анализе «неартикулированного» патриотизма¹⁰.

Понятие идентичности является следующим опорным моментом гипотезы. В данном исследовании использована концепция «множественной идентичности», когда «способность сочетать многочисленные, отличные друг от друга и реально используемые системы символов (дискурсивных практик) позволяет индивиду одновременно занимать различные статусные позиции» в обществе. При этом внешняя непротиворечивость используемых практик отражает факт установленной иерархии дискурсов¹¹.

Такой подход расширяет возможности интерпретации патриотизма, который может выступать в сочетании с другими элементами – этнической, социальной или локальной самоидентификацией, а также успешно комбинироваться с оппозиционными настроениями и критицизмом по отношению к государству. Он же снимает остроту вопроса о дефиниции: советский патриотизм, национал-большевизм или какое-либо другое

⁸ См.: Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Frankfurt / Main, New York, 2005.

⁹ В первую очередь речь идет, конечно же, о национализме, который противопоставляется патриотизму чаще всего.

¹⁰ Речь идет, например, о патриотизме «красных партизан», которые демонстрировали патриотическое поведение, но еще не могли его соответствующим образом «описать» из-за отсутствия сформированного патриотического «словаря».

¹¹ Ушакин С. Поле пола. Вильнюс, 2007. С. 43–44.

традиционное научное понятие – суть лишь идеальные типы, которые исследователь приписывает коммуникативной практике.

Вспомогательную роль при рассмотрении особенностей трансформации официального дискурса о «любви к социалистической родине» на уровне различных социальных групп играет актуальная парадигма исследования эмоционального. В ней эмоции анализируются как инструменты, помогающие субъекту ориентироваться в общественной ситуации и формировать подходящие стратегии адаптации¹².

Важным для исследования являются концепции социальных норм, габитуса и социальных практик¹³. Механизмы восприятия и усвоения семантики советского патриотизма были связаны с проектами социального дисциплинирования и формирования Нового человека. Идеальный образ советского «нормализованного» (М. Фуко) субъекта был сложной комбинацией из буржуазных добродетелей, гендерных образцов эпохи, коммунистических лозунгов и «переходного» (от традиционного к современному) габитуса. Осоавиахим можно рассматривать как одну из форм институционализации желательных режиму массовых социальных практик – городского способа структурирования свободного времени, культивирования здорового тела, повседневных ритуалов выражения лояльности режиму и др.

При изучении функций Осоавиахима для анализа была привлечена теория социальной мобилизации. В диссертации патриотическая мобилизация рассматривается как одна из форм социальной мобилизации, специфика которой определяется лозунгами, целевой направленностью, а также особенностью институциональных форм и технологий. Современные теоретики социально-мобилизационных процессов особо подчеркивают значение целевой деятельности политических и неполитических институтов¹⁴. С точки зрения

¹² См. также: Reddy W. *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, 2001; Rosenwein B. H. *Worrying about Emotions in History* // *American Historical Review*. 2002. № 3 (107). P. 821–845. Анализ дореволюционного патриотизма с использованием подходов истории эмоций см.: Schierle I. *Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia* [Патриотизм и эмоции: любовь к отечеству в екатерининской России] // *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 65–93.

¹³ Бурдьё П. *Практический смысл* / отв. ред. пер. и послесловие Н.А. Шматко. СПб., 2001.

¹⁴ См.: MacCarthy J. D., Zald M. N. *The Trend of Social Movements in America : Professionalization and Resource Mobilization*. Morristown. N.J., 1973; Zald M. N. *The Dynamics of Social Movements : Resource Mobilization, Social Control, and Tactics*. Lanham, 1988 и др.

социологов, именно организации играют роль «посредников» в процессе интеграции маргинализированных или социально дезориентированных субъектов в новые формы социальной и политической жизни¹⁵.

«Рабочим» понятием исследования является также категория опыта¹⁶, с помощью которой патриотический дискурс и деятельность Осоавиахима анализируется через призму актуализации опыта прошедших войн. Влияния опыта прослеживается в способах формирования и декодирования официальных патриотических смыслов «военным поколением» – участниками Первой мировой и Гражданской войн, а также в специфике «романтического», воинственного патриотизма части советской молодежи. В контексте опыта войн логично поддается интерпретации пронизанная насилием и насаждением военизированных форм дисциплины политическая практика сталинского руководства¹⁷, институциональным механизмом которой являлась в числе прочих и военно-патриотическая организация.

В работе были использованы также методы, традиционно применяемые в процессе эмпирического исторического исследования, такие как сравнительный и системный анализ.

Источниковая база. Работа основана на обширном комплексе неопубликованных и опубликованных источников. В 4 центральных (ГАРФ, РГВА, РГВИА, РГАСПИ) и 7 местных архивах (ГАНИОПДПО, ГОПАПО, ГАСО, ОГАЧО, ЦГАОО РБ, ЦГИА РБ, ЦДООСО) отложились документы центральных органов и региональных организаций оборонного общества, материалы партийных организаций различных уровней, в которых отражены проблемы военно-патриотического воспитания и деятельности Осоавиахима. В фондах бывших партийных архивов наряду с комплексами партийной и комсомольской документации по вопросам военно-патриотической деятельности хранятся коллекции фотодокументов, отражающие деятельность региональных оборонных обществ, а также письма, заявления и обращения

¹⁵ Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development // The American Political Science Review. 1961. № 3 (55). P. 499–500.

¹⁶ См. теоретические подходы в: Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / N. Buschmann, H. Carl (Hg.). Paderborn, 2001.

¹⁷ См.: Beyrau D. Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of Modern European History. 2003. № 1. P. 96–123.

советских граждан, связанные с вопросами военной службы и допризывной подготовки, отчеты армейских политических органов, характеризующие настроения военнослужащих. В Российских государственных военном и военно-историческом архивах сосредоточены аналитические записки и доклады различных управлений Штаба РККА по вопросам мобилизационного планирования и военной подготовки населения, а также материалы работы Военно-исторической комиссии.

Важную роль при анализе государственной политики в области военно-патриотического воспитания имеют опубликованные постановления партийных съездов и пленумов, постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР, стенограммы и постановления съездов и пленумов оборонного общества, решения его центрального органа – Центрального Совета (далее – ЦС) Осоавиахима.

Весь комплекс использованных в работе материалов можно подразделить на следующие группы:

1. *Законодательные и нормативные акты советских органов власти.* К этой группе относятся законодательные акты советских государственных органов по вопросам военной службы и призыва, регулирования положения военнослужащих; совместные постановления государственных и партийных органов о деятельности Осоавиахима; приказы и циркуляры командных органов РККА¹⁸;

2. *Делопроизводственная документация советского военного ведомства и организаций Осоавиахима различных уровней.* Данная группа объединила докладные записки, проекты и подготовительные материалы управлений Штаба РККА по вопросам «военизации», организации работы Военно-исторической комиссии и Военно-научного общества, создания Осоавиахима, контроля за его деятельностью, разработки «осоавиахимовской пятилетки»; отчеты и материалы обследований локальных военно-патриотических организаций, информационные сводки ревизионных комиссий уральского Осоавиахима, планы проведения массовых военно-спортивных,

¹⁸ Законодательные акты и партийные документы публиковались в периодических изданиях государственных и партийных органов СССР, а также в издававшихся позднее тематических сборниках. См., например: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик за... год; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 г. – 1961 г. М., 1961; Реформа в Красной Армии: документы и материалы, 1923 – 1928 гг. М., СПб., 2006.

праздничных и мобилизационных мероприятий; делопроизводственные материалы персонального учета – анкеты, личные карточки, автобиографии руководителей местных организаций Осоавиахима.

Первые две группы источников позволили реконструировать социально-политические условия складывания официального патриотизма и разработки концепции военно-патриотического воспитания, создания массовой оборонной организации, рассмотреть процессы инструментализации опыта войн для нужд патриотической идеологии. Делопроизводство Осоавиахима послужило основой для воссоздания картины организационного устройства, деятельности и развития организации, характеристики его руководящего состава в регионе.

3. *Программные и директивные документы ВКП (б) и Осоавиахима.* К ним относятся стенограммы и постановления партийных и комсомольских съездов¹⁹ по военным вопросам, съездов Осоавиахима и пленумов ЦС Осоавиахима, стенограммы и постановления съездов и пленумов Уралосоавиахима и его областного совета, стенограммы, решения и постановления пленумов разукрупненных областей, материалы о деятельности Осоавиахима в партийных и комсомольских инстанциях различного уровня. Многие стенограммы съездов и пленумов ЦС Осоавиахима, уральского Осоавиахима цитируются по опубликованным источникам²⁰.

С помощью этой группы источников были проанализированы идеологические основы официального патриотизма, выявлены их интерпретации местными функционерами Осоавиахима, изучены особенности локальных практик военно-патриотического воспитания, вопросы эффективности регионального оборонного общества.

4. *Публицистика, речи и статьи государственных, партийных и военных деятелей по вопросам военно-патриотического воспитания, строительства вооруженных сил, военной угрозы.* К этой группе относятся

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК...; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов, 1917 – 1958. М., 1958; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917 – 1981. М., 1981; Сталин И.В. XIV съезд ВКП (б). Политический отчет Центрального комитета// Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 7 и др.

²⁰ См., например: Постановление Центрального Совета Осоавиахима СССР и РСФСР. Свердловск, 1938; Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. М., 1930; Резолюции Второго Уральского областного съезда Осоавиахима, 25 – 30 января 1930 г. Свердловск, 1930 и др.

опубликованные статьи и речи В. И. Ленина, И. В. Сталина, К. А. Ворошилова, труды М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, А. И. Верховского, А. А. Свечина и др.²¹, с помощью которых можно реконструировать роль военно-политического руководства СССР в формировании официального патриотизма, концепции «военизации», массовой оборонной организации, практик патриотической мобилизации и системы военного обучения населения. Неопубликованные документы личного фонда одного из сотрудников Военно-исторической комиссии Е. З. Барсукова, обнаруженные в РГВИА, позволили осветить официальную позицию советского руководства по отношению к памяти о Первой мировой войне и использованию ее опыта;

5. *Дидактическая литература и учебные пособия.* Эта группа источников объединила «Краткий курс истории ВКП (б)», школьные учебники по истории, дидактическую литературу, программы, комплексы «оборонных норм», методики обучения военным навыкам, издававшиеся в системе Осоавиахима²². На их основе были изучены особенности интеграции дореволюционного прошлого в официальный патриотический дискурс, рассмотрены механизмы трансформации абстрактных патриотических понятий в методики военно-патриотического воспитания, конкретизированы представления о формах и способах оборонно-массовой работы.

6. *Периодическая печать* – официальные периодические издания Осоавиахима²³, в которых публиковались материалы съездов и пленумов организации, статьи о мобилизационных и патриотических кампаниях, информация с мест, а также центральные и местные газеты и журналы, в

²¹ Свечин, А. Стратегия. М., 1926; Свечин, А. А. Искусство вожделения полка: По опыту войны 1914-1918 гг. Л. – М., 1930; Верховский, А. Характер будущей войны и задачи Осоавиахима. Л., 1928; Алексинский, М., Мехоношин, К. Осоавиахим и Красная Армия. М., 1928; Ворошилов К. Е. О молодежи. М., 1936 и др.

²² Краткий курс истории СССР / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1937; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938; На страже СССР. Учеб. пос. для проведения политических занятий на учебных пунктах и в лагерях Осоавиахима. М., 1934; Чупраков, Н., Беспяхотный, Д. Комсомол на допризывной подготовке. М. – Л., 1928; Артеменко, Н. Допризывная подготовка и ее значение. М. – Л., 1928; Спутник осоавиахимовца. Сб. материалов по оборонной работе первичных организаций Осоавиахима. М., 1936; Юшков, С. Военные прогулки. М., 1936; Трамм, Б. Походы в противогазах. Методика организации и проведения походов в противогазах / под ред. С. Белицкого. М., 1937 и др.

²³ Бюллетень Осоавиахима; Осоавиахим (Ворошиловский стрелок); Челябинский рабочий; Уральский рабочий; Работница и др.

публикациях которых нашли отражение тема советского патриотизма, героизма, воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах;

7. *Источники личного происхождения.* Данная группа объединила опубликованные и неопубликованные заявления и письма молодежи в комиссии по приему в военные и авиационные школы, отклики советских граждан на мобилизационные кампании сталинского режима, а также воспоминания советских людей, относящиеся к этому периоду в целом или непосредственно затрагивающие вопросы военно-патриотической работы и историю организации Осоавиахим²⁴.

8. Особую группу источников по теме образовали материалы, собранные методами *устной истории* – воспоминания, полученные в результате проведения неформализованного, глубокого (С.А. Белановский) *интервью*. Группу респондентов составили ветераны Великой Отечественной войны, проживающие в городе Челябинске²⁵. Эти источники позволили уточнить выводы о групповых интерпретациях официального патриотизма, сделанные на основе анализа традиционных письменных документов.

Научная новизна диссертации состоит в переосмыслении сложившихся в отечественной историографии интерпретаций официального советского патриотизма, практик военно-патриотического воспитания и деятельности оборонного общества Осоавиахим. Теоретическая модель патриотизма как коммуникативной практики, включающая в себя вербальные (дискурс) и невербальные практики, позволяет рассматривать его не только как официальную идеологию, но и как диалог между государством и гражданами на тему «любви к отечеству». За счет этого расширен объем понятия советский патриотизм, в него интегрированы интерпретации официальных смыслов различными группами советского населения. В диссертации намечены пути и

²⁴ Павлов, Я. Чему я научился в оборонном обществе. М., 1955; Раскова, М. Записки штурмана. М. 1976; Чечнева, М. П. «Ласточки» над фронтом: Очерки. М., 1984; Яковлев А. С. Цель жизни (Записки авиаконструктора). М., 1974; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг.. М., 1997; Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин. И. Б. Орлов. М., 1998; Общество и власть. Российская провинция 1917 – 1985. Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т.

²⁵ Интервью с А.П.Абрамовским от 14.11.2005, Е.Н.Козловым от 28.11.2005, П.И.Макароном от 1.12.2005, Л.И.Мельниковым от 9.12.2005.

возможности реконструкции патриотического этоса²⁶ «маленького человека», показаны его многообразие и противоречивость. Впервые проанализированы механизмы формирования «неартикулированного» патриотизма, высказана гипотеза о сочетаемости патриотических установок с другими (в том числе досовременными) практиками самоидентификации.

Официальный патриотический дискурс помещен в широкий исторический и историографический контекст, что позволило раскрыть вопрос об использовании имперского опыта при его формировании. В диссертации впервые показаны истоки патриотического дискурса в советской военной мысли, вклад профессионального сообщества военных в разработку организационных моделей патриотического воспитания, отражена важная роль опыта предыдущих войн в формировании методик работы с населением.

На основе междисциплинарного подхода советский патриотизм, практики военно-патриотического воспитания и деятельность Осоавиахима проанализированы комплексно, выявлены взаимосвязанные между собой элементы идеологических, институциональных и социальных процессов. В диссертации обоснован тезис о том, что советское военно-патриотическое воспитание было вариантом социальной мобилизации, характерной для современной эпохи.

Пересмотрены и расширены представления о функциях и роли Осоавиахима. Оборонное общество интерпретируется как один из агентов социальной инженерии и инструмент воспитания Нового человека. С помощью концепций социальных практик и габитуса в диссертации реконструированы механизмы трансформации абстрактных символов и идеологии патриотизма в ритуалы дисциплинирования, самомобилизации и жертвенности. Деятельность Осоавиахима впервые рассматривается из перспективы универсальных каналов социализации – спорта, праздничной и релаксационной культуры, популяризации гендерных образцов.

В научный оборот вводятся факты и документы, характеризующие ранее неизвестные и малоизвестные стороны деятельности Осоавиахима в центре и на Урале (о планировании осоавиахимовской пятилетки, о борьбе с «отрядной

²⁶ Этос – от др.-греч. *ethos* – обычай, нрав, характер. В диссертации используется для обозначения стойкой системы представлений. См. подробнее: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 704.

ваханалией», о качестве оборонно-массовой работы в уральском регионе, о локальных практиках патриотического воспитания и местной кадровой политике). Новые материалы послужили основой для пересмотра устоявшихся оценок эффективности деятельности Осоавиахима в уральском регионе.

Апробация и практическая значимость работы. Основные положения, результаты и выводы данного диссертационного исследования изложены в 32 научных публикациях автора, в том числе в одной монографии объемом 27,5 п.л. и 7 статьях, опубликованных в изданиях перечня ВАК. Гипотеза и выводы диссертации обсуждались на десяти международных научных конференциях и семинарах, проходивших в Челябинске (2000, 2002, 2005, 2009), Тюбингене (2003, 2004), Твери (2004), Берлине (2007), Москве (2009, 2010), а также на одной всероссийской научной конференции в Челябинске (2004). Эти результаты нашли применение при реализации коллективных научных проектов, получивших поддержку в виде грантов РГНФ, Германского исторического института в Москве, коллективного исследовательского проекта «Опыт войн. Война и общество в Новое время» университета г. Тюбинген (Германия). Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке современных методик патриотического воспитания, при создании обобщающих трудов по истории России, при разработке лекционных и специальных курсов по истории советского патриотизма, Осоавиахима и военно-патриотического воспитания в СССР.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, сформулированы цели и задачи исследования, дана характеристика его объекта, предмета, хронологических и территориальных рамок, рассмотрена методологическая база, представлен обзор источников, описана научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Исторические и историографические подходы к теме военно-патриотического воспитания» охарактеризованы некоторые особенности научного дискурса о патриотизме, изучение советского

патриотизма в современной историко-философской и исторической литературе, зарубежной историографии, дан обзор отечественной литературы, посвященной Осоавиахиму.

Научный дискурс о патриотизме отличается повышенной чувствительностью к политическому контексту²⁷, поэтому модернизация представлений о нем требует исторической контекстуализации не только в соответствующей эпохе, но и в рамках исторической традиции. В российском социокультурном контексте патриотизм был элементом имперской политической педагогики и включал в себя семантику «державности», имперской военной мощи, политической лояльности и непримиримости к оппонентам²⁸. В эпоху Великой Французской революции официальный патриотизм Российской империи избрал неевропейскую траекторию развития, отказавшись от демократизации понятия и, как следствие, от признания множественности патриотизмов в обществе.

Советский патриотический дискурс оказался тесно связан с дореволюционными принципами гражданского воспитания. Одной из унаследованных черт стало «присвоение» патриотизма государственной властью: наделение официальной патриотической идеологии статусом «истинной» любви к родине, подавление и маркирование альтернативных вариантов патриотизма как «враждебных» и «чуждых» советскому народу²⁹. Научное сообщество не смогло преодолеть инерцию огосударствления «любви к отечеству»: изучение советского патриотизма фактически являлось частью советской идеологии³⁰, а его официальные трактовки были «органично»

²⁷ См.: Fuchs, P. Vaterland, Patriotismus und Moral. Zur Semantik gesellschaftlicher Einheit // Zeitschrift für Soziologie. 1991. № 2. S. 89–103.

²⁸ См.: Schierle, I. «Otečestvo» – Der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert // Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten / B. Pietrow-Ennker (Hg.). Göttingen, 2007. S. 143–162; Schierle, I. «Syn otečestva» : der «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / P. Thiernen (Hg.). Köln, Weimar, Wien, 2006. S. 347–367; Вишневецкий, А. Серп и рубль. М., 1998; Kappeler, A. Nationalismus im Vielvölkerreich Russland? // Nationalismus in vorindustrieller Zeit / O. Dann (Hg.). München, 1986. S. 83–99.

²⁹ Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte / F. Golczewski, G. Pickhan (Hg.). Göttingen, 1998. S. 68–69.

³⁰ См., например: Щур, П. Советский патриотизм – движущая сила развития социалистического общества: дис. ... канд. фил. наук. М., 1950; О советском патриотизме: сб. статей. Изд. 2-е. М., 1952; Губанов, Н. И. Отечество и патриотизм. М., 1960; Макаров, В. В. Патриотизм как явление общественного сознания: его источники и структура: автореф. дис.

вплетены в концептуальное осмысление, что блокировало появление альтернативных исследований.

Под влиянием взаимопроникновения официального патриотизма и научного дискурса оказались постперестроечная и современная российская историография. И сегодня в общетеоретической литературе патриотизм нередко интерпретируется как идеология или комплекс ценностных ориентаций субъекта, совпадающий с официальными трактовками «любви к родине», постулируется его «органичный» и «естественный» характер³¹. По сложившейся в советские годы традиции патриотизм противопоставляется национализму. Идеи о множественности патриотизмов в обществе, о наличии социальных, национальных, возрастных, гендерных и локальных вариантов патриотического этоса с трудом приживаются в научном дискурсе.

С конца 1990-х гг. в историографическом ландшафте стали появляться исторические исследования советского патриотизма, в которых апробировались новые подходы и оценки этого феномена. Важные шаги в этом направлении были сделаны в диссертационных трудах Н. Б. Барановой, И. В. Родионовой, О. Ю. Олейника³². Н. Б. Баранова подчеркнула особую роль элементов мифологического мировосприятия в социально-психологических процессах межвоенного периода, а также отметила ярко выраженную тенденцию к милитаризации общественного сознания, которая была результатом активного

... канд. филос. наук. Волгоград, 1969; Скрыльник, А. И. В. И. Ленин о патриотическом воспитании. М., 1980; Копылов, И. Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа. М., 1982; Мирский, Р. Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1987 и др.

³¹ См., например: Мельниченко, И. И. Патриотизм в системе социальных ценностей офицерского корпуса России (Философско-политологический анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 1996; Лутовинов, В. И. Патриотизм: проблемы формирования у молодежи в современных условиях (социально-философский анализ). М., 1997; Шестаков, С. М. Патриотизм как служение России // Безопасность Евразии. 2004. № 4. С. 411–430; Терентьев А. А. Патриотизм и русское национальное самосознание. Нижний Новгород, 2005; Хаустов, В. М. Патриотизм и патриотическое воспитание // Социально-гуманитарное знание. 2007. № 4. С. 325–331 и др.

³² Баранова, Н. Б. Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX века (на материалах Среднего Поволжья) : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1997; Родионова, И. В. Механизмы формирования патриотического сознания населения в 1930-е гг. (На материалах РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Олейник, О. Ю. Интеллигенция и отечество: Проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е гг. XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1998.

внедрения военизированных методов управления обществом со стороны ВКП (б). В диссертации И. В. Родионовой культ вождя и коллектива, устремленность в будущее и бинарное сознание (разделение общества на «чужих» и «своих») названы составными элементами советского патриотизма. Автор определяет его одновременно и как «часть официальной идеологии» и как «гражданское чувство советских людей», которое проявлялось в «искреннем служении» отечеству. Рассматривая эволюцию представлений о патриотизме в советской идеологии 1920 – 1930-х гг., И. В. Родионова сделала вывод о возникновении синтеза «революционно-интернациональной и традиционно-патриотической тенденций» в идеологической доктрине предвоенного десятилетия³³.

В диссертационном исследовании О. Ю. Олейника впервые предпринимается сравнение патриотизма советской интеллигенции и эмигрантских кругов «первой волны». Он уделяет большое внимание теоретико-методологическим аспектам рассматриваемой им проблемы и дает авторское определение ключевых понятий «отечество» и «патриотизм»³⁴.

Важную роль при реконструкции официальной патриотической идеологии и ее рецепции советским населением играют работы, посвященные советской культурной / коллективной памяти (дореволюционному прошлому в учебниках межвоенной эпохи, трансформациям советской праздничной культуры, социалистическому реализму и др.)³⁵, методам формирования образов «друга» и «врага», «своих» и «чужих»³⁶, репрессиям (в том числе в Красной Армии), социально-экономической политике и повседневности в 1920 – 1930-е гг.³⁷.

³³ Родионова, И. В. Механизмы формирования патриотического сознания населения в 1930-е гг. (На материалах РСФСР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 19–20.

³⁴ Олейник, О.Ю. Интеллигенция и отечество: Проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е гг. XX в. : автореф. дис... д-ра ист. наук. Иваново, 1998. С. 29–30.

³⁵ См.: Гройс, Б. Утопия и обмен. М., 1993; Паперный, В. Культура «Два». М., 1996; Константинов, С. В. Дореволюционная история России... С. 217–243; Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е годы). Брянск, 2005; Малышева, С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917 – 1927). Казань, 2005; Нарский, И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917 – 1922 гг. // Век памяти, память века.. С. 394–412. и др.

³⁶ См.: Кулешова, Н. Ю. «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отеч. история. 2002. № 1. С. 181–191; Тяжелникова, В. С. Советская песня и формирование новой идентичности // Отеч. история. 2002. № 1. С. 174–181; Голубев, А. В. «Если мир обрушится

В зарубежной историографии можно отметить две основные парадигмы осмысления советского патриотизма. Одна из них сложилась во второй половине 1950-х гг. под влиянием первого на Западе фундаментального исследования Ф. Баргхорна³⁸, который приравнивал патриотизм и русский национализм. Эту концепцию можно назвать доминирующей³⁹, а ее современным манифестом является монография Д. Бранденбергера «National Bolshevism»⁴⁰.

Проблемы дефиниции и интерпретации советского патриотизма межвоенного периода затрагиваются также в литературе, посвященной истории СССР как многонационального государства. Методологически зарубежные исследователи опираются на концепции «национального государства» и «империи», разработанные на основе анализа западноевропейского исторического прошлого. Однако применение европоцентристских аналитических моделей для реконструкции российской и советской истории нельзя считать достаточно продуктивным⁴¹. Так, зарубежные ученые идут по

на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920 – 1940-е гг. М., 2008 и др.

³⁷ Анфилов, В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997; Брюханов, Б. Б., Шошков, Е. Н. Оправданию не подлежит: Ежов и ежовщина. 1936 – 1938 гг. СПб., 1998; Стецовский, Ю. И. История советских репрессий. В 2 т. М., 1997; Сувениров, О. Ф. Трагедия РККА. 1937 – 1938. М., 1998; Мерцалов, А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. М., 1998; Измозик, В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995; Журавлев, С. В., Мухин, М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928 – 1938 гг. М., 2004; Кондрашин, В. В., Пеннер, Д. Голод 1932 – 1933 годов в советской деревне. Самара – Пенза, 2002; Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998 и др.

³⁸ Barghoorn, F. G. Soviet Russian Nationalism. New York, 1956.

³⁹ К вопросу о взаимоотношениях советского патриотизма и русского национализма см.: Hildermeier, M. Verhinderte Nationen: zu einigen Merkmalen und Besonderheiten nationaler Bewegungen in Russland und der Sowjetunion // Archiv fuer Sozialgeschichte. 1994. № 34. S. 1–17; Oberlaender, E. Sowjetpatriotismus und russischer Nationalismus // Die Russen: Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart / Kappeler A. (Hg.). Koeln, 1990. S. 83–90; Bordjugov, G. Umorientierung der Staatsideologie und Kulturpolitik in den 30er und 40er Jahren // Kultur im Stalinismus: sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 1950er Jahre / G. Gorzka (Hg.). Bremen, 1994. S. 29–38; Brandenberger, D. Soviet social mentality and Russocentrism on the Eve of War, 1936 – 1941 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2000. № 48. S. 388–407. Российский взгляд на эту проблему частично представлен в весьма политически заостренном сборнике «Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений» (М., 1999).

⁴⁰ См.: Brandenberger, D. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931 – 1956. Cambridge, 2002.

⁴¹ Каппелер, А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1996.

пути изобретения новых, комбинированных понятий, описывая феномен советского патриотизма как «советский интернациональный национализм» или «советский имперский патриотизм»⁴². В конечном итоге советский патриотизм опять же приравнивается к официальной идеологии, а проблема соотношения национального самосознания и патриотического дискурса, нацеленного на производство наднациональной идентичности, так и остается нерешенной.

Большинство работ, касающихся советского патриотизма, предлагают взгляд из центра. Поэтому для исследования оказались полезны работы С. Екельчика, рассматривающего культурную политику сталинизма в крупнейшей национальной республике СССР – Украине. Трактую советский патриотизм как имперский дискурс⁴³, он показывает вклад местной национальной интеллигенции в конструирование «советского» украинского прошлого.

Анализ советского патриотизма невозможен без учета достижений зарубежной славистики и привлечения литературы, посвященной советской культуре, искусству и литературно-дидактическому дискурсу эпохи сталинизма⁴⁴. Лучше понять механизмы трансляции официальных

⁴² Lieven, D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // *Journal of Contemporary History*. 1995. № 4 (30). P. 610; Martin, T. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939. Ithaca, 2001; Suny, R. G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. / R.G. Suny, T. Martin (Ed.). Oxford, 2001. P. 23–66 и др.

⁴³ Yekelchik, S. Diktat and Dialogue in Stalinist Culture: Staging Patriotic Historical Opera in Soviet Ukraine, 1936 – 1954 // *Slavic Review*. 2000. № 3. P. 597–624; Yekelchik, S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian «Heroic Pasts», 1939–45 // *Kritika*. 2002. № 1. P. 51–81; Yekelchik, S. Stalin's Empire of Memory: Russian–Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004.

⁴⁴ Clark, K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, London, 1981; Guenther, H. Der sozialistische Uebermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, Weimar, 1993; Tyrannei des Schönen: Architektur der Stalin-Zeit / P. Noever (Hg.). Muenchen, 1994; Голомшток, И. Н. Тоталитарное искусство. М., 1994; Гюнтер, Г. Соцреалистический канон / под ред. Г. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000; Traumfabrik Kommunismus: die visuelle Kultur der Stalinzeit / B. Groys (Hg.). Frankfurt, 2003; Сандомирская, И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001; Guenther, H. Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart, 1984; Гюнтер, Г. Мудрый отец Сталин и его семья: На материале картин Д.Вертова и М.Чиаурели // *Russian Literature*. 1998. № 2 (XLIII). P. 205–220; Гюнтер, Г. Железная гармония (государство как тотальное произведение искусства) // *Вопросы литературы*. 1992. № 1. С. 27–41; Гюнтер, Г. Тоталитарная народность и ее источники // *Соцреалистический канон*. С. 377–389; Гюнтер, Г. Архетипы советской культуры // *Соцреалистический канон*. С. 734–785; Гюнтер, Г. Поющая родина: Советская массовая песня как выражение архетипа матери // *Вопросы литературы*. 1997. № 4. С. 46–61 и др.

патриотических образцов на население помогают работы, посвященные различным аспектам культурной жизни советского общества эпохи сталинизма – популярной песне, поэзии, массовым праздникам, физической культуре и спорту в СССР 1920 – 1930-х гг. и др.⁴⁵ Научные дискуссии вокруг проблемы «сталинского субъекта» (или «сталинской субъективности») поднимают проблему использования официального дискурса и большевистской риторики «маленьким человеком»⁴⁶.

Изучение советского патриотизма нельзя считать комплексным без интеграции в него истории Осоавиахима. В советской историографии исследования оборонного общества были включены в рамки более широкой темы военно-патриотического воспитания населения. Ее разработка началась в 1950 – 1960-е гг.⁴⁷, а в 1967 г. появилась первая диссертация, объектом исследования которой был непосредственно Осоавиахим⁴⁸. Труды советских исследователей подробно проанализированы в диссертациях и научных статьях последних лет⁴⁹. Наряду с констатацией достижений – накоплением богатых

⁴⁵ Bonnell, V. *The Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkley, 1997; Brueggemann, K. *Von Krieg zu Krieg, von Sieg zu Sieg: Motive des sowjetischen Mythos in Massenlied der 1930er Jahre. Einfuehrung, Texte, Uebersetzungen*. Hamburg, 2002; Brooks, J. *Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from Revolution to Cold War*. Princeton, 2000; Guenther, H. *Das Massenlied als Ausdruck des Mutterarchetypus...*; *Constructing russian culture in the age of revolution 1881 – 1940* / C. Kelly, D. Shepherd (Ed.). Oxford, 1998; Kenez, P. *Cinema and soviet society, 1917 – 1953*. Cambridge, 1992 и др.

⁴⁶ См.: *Tagebuch aus Moskau : 1931 – 1939* / Hellbeck J.(Hrsg.). Muenchen, 1996; Davies, S. R. *Popular opinion in Stalin's Russia : terror, propaganda and dissent, 1934 – 1941*. Cambridge, 1997; Halfin, I. *From Darkness to Light : Student Communist Autobiographies of the 1920s // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 1997. № 2. S. 210–236; *Das wahre Leben: Tagebuecher aus der Stalin-Zeit* / Garros V. (Hg.). Berlin, 1998; Halfin, I. *From Darkness to Light. Class, Consciousness ans Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, 2000; Halfin, I. *Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the Twenties and Thirties // Language and Revolution. The Making of Modern Political Identity* / I. Halfin (Ed.). London, 2001; Halfin, I. *Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Harvard, 2003. См. также форум журнала *Ab Imperio* «Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе» (*Ab Imperio*. 2002. № 3).

⁴⁷ Сюткина, Е. А. *Борьба КПСС за подготовку страны к активной обороне в довоенные пятилетки (1929 – 1941 гг.)* : автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1954; Артемов, Ж. Л. *Деятельность Коммунистической партии по военно-патриотическому воспитанию советского народа в годы довоенных пятилеток (1929 – 1941 годы)* : дис. ... канд.ист. наук., М., 1968.

⁴⁸ Борисов, Л. П. *Роль Осоавиахима СССР в социалистическом строительстве и укреплении обороноспособности СССР, 1927 – 1941 гг.* : дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.

⁴⁹ См.: Гошуляк, В. В. *Оборонно-массовая работа в СССР в годы довоенных пятилеток* : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 1991; Олейник, О. Ю. *Проблемы подготовки трудящихся к защите*

эмпирических знаний, обобщением этих знаний в масштабах отдельных советских республик и всего Советского Союза – историки отметили и основные недостатки советского подхода – маргинализация роли Осоавиахима в формировании патриотизма и некритические оценки его эффективности⁵⁰.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появилось значительное количество исследований по теме военно-патриотического воспитания и оборонно-массовой работы⁵¹, а настоящий всплеск интереса к проблеме пришелся на начало 2000-х гг. Многие труды последних десятилетий остаются под влиянием научных подходов советской историографии – в постановке вопросов, выборе объекта исследования, методологическом инструментарии. Это свидетельствует о продолжении «экстенсивного» варианта освоения темы. Вместе с тем, в научный оборот был введен значительный объем ранее

Отечества в 1929 – 1936 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Половецкий, С. Д. Армия и советское общество в 1918 – 1991 гг. Историографическое исследование : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; Прилуцкий, В. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию населения СССР, 1922 – июнь 1941 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; Могутнов, А. В. Оборонно-массовая работа государственных органов и общественных организаций Южного Зауралья в межвоенный период и в годы Второй мировой войны (1920-е – 1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011.

⁵⁰ См.: Олейник, О. Ю. Проблемы подготовки трудящихся... С. 9; Воронцов, В. Н. Историография вопроса изучения Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) // Известия ИГЭА. 2006. № 6. С. 36–37.

⁵¹ Гошуляк, В. В. Очерки истории оборонно-массовой работы партии в годы довоенных пятилеток, 1929 – июнь 1941 гг. Одесса, 1989; Гошуляк, В. В. Оборонно-массовая работа партии в годы довоенных пятилеток, 1929 – июнь 1941 гг. М., 1989; Зейналов, Р. Э. Военное строительство – военно-патриотическая и оборонно-массовая работа в Азербайджанской ССР в период строительства социализма (1920 – июнь 1941 г.). Баку, 1990; Олейник, О. Ю. Проблемы подготовки трудящихся к защите Отечества в 1929–1936 гг....; Храмцов, В. И. Массовая оборонная работа Советов в Среднем Поволжье, 1926 – июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1994; Ростов, Н. Д. Деятельность государственных и общественных организаций Западной Сибири по подготовке молодежи к защите Родины. 1937 – июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001; Богуцкий, А. В. Оборонно-массовая работа в Алтайском крае накануне и в годы Великой Отечественной войны : 1938 – 1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001; Прилуцкий В.В. Деятельность государственных органов...; Мосеев, В. И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921 – 1941 гг. : На материалах Петрограда – Ленинграда и Ленинградской области : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; Казимиров, И. Н. Оборонно-массовая работа в Среднем Поволжье в годы первых пятилеток : 1928–1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Кузин, А. В. Вооруженные Силы на Дальнем Востоке СССР в межвоенный период (1922 – 1941 гг.). Благовещенск, 2000; Он же. Военное строительство на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) : исторический опыт. Благовещенск, 2001; Он же. Военное строительство на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004 и др.

засекреченных материалов по проблеме, детализированы и уточнены многие локальные аспекты военно-патриотической работы, прозвучали критические оценки системы военно-патриотического воспитания и деятельности Осоавиахима, названы факторы, дестабилизировавшие оборонную работу. Началось изучение военно-патриотического воспитания отдельных категорий советского населения, и, следовательно, появился подход, который помогает изменить традиционный взгляд на патриотизм как некий целостный и гомогенный феномен⁵². Научно-популярная и энциклопедическая литература⁵³ пополнила историографию новыми фактами и интересным визуальным материалом.

Характеризуя особенности изучения военно-патриотической тематики в уральском регионе, отметим, что с 1990-х гг. преимущественное внимание уделялось исследованию оборонно-массовой работы и патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны⁵⁴. Трудов, которые захватывают довоенный период, единицы⁵⁵. Спустя почти двадцать лет после защиты кандидатской диссертации Л. М. Яблонской о военно-патриотической

⁵² См., например: Мосеев, В.И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи...; Олейник, О.Ю. Интеллигенция и отечество...

⁵³ Первое издание научно-популярного характера вышло уже в конце 1990-х гг.: Анохин, А. И. В труде и боях закаленное : Очерк истории оборонного общества. М., 1998. Анохин, А. И. Они были первыми (очерк о руководителях оборонного общества). М., 2000; Он же. Российская оборонная: Энциклопедический сборник. М., 2002; Клименко, Н. Свердловская областная ОСТО : 75 лет служения Отечеству. Екатеринбург, 2001; Магнитогорская оборонная спортивно-техническая организация / под общ. ред. В. К. Муровицкого. Магнитогорск, 2005; Агафонов, Ю. П. ОСОАВИАХИМ. ДОСААФ. РОСТО. Традициям верны. Курган, 2006.

⁵⁴ См., например: Могутнов, В. П. Военные отделы комитетов ВКП (б) на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) : автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1991; Он же. Война. Урал. Резервы. (1941 – 1945 гг.). Курган, 1999; Он же. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) (На материалах Урала) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Челябинск, 2000; Федорова, А. В. Роль местных органов государственной власти Российской Федерации в обеспечении фронта пополнением в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (На материалах Южного Урала) : дис. ...д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 1996; Бикмеев, М. А. Военный вклад Башкортостана в победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. : дис. ...канд. ист. наук. Уфа, 1997; Гузненко, З. И. Всеобуч в вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 215–218 и др.

⁵⁵ Яблонская, Л. М. Деятельность комсомольских организаций Урала по военно-патриотическому воспитанию молодежи (1938 – июнь 1941 гг.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1990; Майсак, В. Н. Подготовка авиационных кадров на Урале и в Поволжье в 1936 – 1941 гг. : автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1996; Могутнов, А. В. Оборонно-массовая работа...

работе уральского комсомола в 1939 – 1941 гг., появилось исследование А. В. Могутнова об оборонно-массовой деятельности государственных органов и общественных организаций в предвоенный и военный периоды в Южном Зауралье⁵⁶. Еще менее востребованной кажется история Осоавиахима: очерк Н. И. Эполетова об оборонном обществе Среднего Урала вышел 34 года назад⁵⁷. Большинство изданных в последние годы работ можно отнести к категории военно-исторических исследований, в которых реализована традиционная для советской историографии схема анализа и интерпретации феномена патриотизма и военно-патриотического воспитания.

Во второй главе «Советский довоенный патриотизм: официальный дискурс и групповые интерпретации» представлены основные вехи складывания официального патриотического дискурса, его идеологические постулаты, охарактеризованы имперские образцы и гендерные аспекты патриотической риторики. В главе рассматривается вопрос о влиянии опыта прошедших войн и представлений о будущей войне на формирование патриотизма и практик военно-патриотического воспитания, анализируются интерпретации официальной идеологии отдельными группами уральского населения.

Патриотическая риторика появилась в публичной большевистской коммуникации и пропаганде зимой 1917 – 1918 г. в период немецкого наступления. В. И. Ленин обозначил отход от интернационалистских взглядов в статьях о необходимости сепаратного мира и приоритете русской социалистической революции перед революционной войной. Несмотря на буржуазность патриотической семантики, она, по мнению лидера большевиков, оказалась пригодной для консолидации общества в условиях внешней угрозы. Политический прагматизм Ленина, воспринятый частью эмигрантской интеллигенции как националистический поворот, не сразу нашел свое отражение в политическом курсе раннесталинского периода. Точкой отсчета в формировании официального патриотизма стали решения XIV (апрель 1925 г.) конференции ВКП (б), где впервые прозвучала мысль о возможности победы социализма в СССР без мировой революции. Однако лишь к середине 1930-х гг. использование патриотической риторики в публичной коммуникации стало

⁵⁶ Могутнов, А. В. Оборонно-массовая работа...

⁵⁷ Эполетов, Н. И. История оборонного общества Среднего Урала. Свердловск, 1977.

повсеместным и масштабным явлением. Официальный патриотический дискурс стал формироваться как динамичная и противоречивая коммуникативная практика, оставлявшая значительное пространство для групповых интерпретаций.

Официальный патриотизм был связан с оборонно-массовой работой и деятельностью Осоавиахима через ряд ключевых патриотических образов. Некоторые из них – идеи державности, воинской мощи и эмансипационной миссии власти – коренились в имперском прошлом. Имперские модели были облачены в марксистскую терминологию и функционально обслуживали процесс конструирования «героического». Именно поэтому прокат кинофильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» сопровождался массивной пропагандой советских патриотических ценностей и по масштабам зрительского успеха конкурировал с «героической поэмой» о Чапаеве. При этом главным поставщиком образцов героизма, жертвенности и патриотического поведения считалась все же эпоха Гражданской войны.

Официальные героические репрезентации в процессе их интерпретации «снизу» приобретали собственную динамику. Почвой для «диалога» смыслов был аутентичный военный опыт. Так, в первой половине 1930-х гг., когда процессы стандартизации нарративов о Гражданской войне еще не доминировали в политике памяти, в уральской прессе можно было встретить чуждые официальному пафосу рассказы о подвигах, полные юмора и комических подробностей. Непафосная артикуляция подвига была характерна и для воспоминаний о событиях 1917 – 1919 гг. башкирских «красных партизан».

В практиках военно-патриотического воспитания героизм прошлого образовал единое семантическое пространство с героическими образцами современности. Так, пропагандистское сопровождение челюскинской эпопеи проводило параллели между полярниками и героями Гражданской войны, подчеркивало «героизм» повседневных трудовых свершений, скромность и дисциплинированность – черты характера и поведения, присущие Новому человеку. Концепция Нового человека и дискурс о дисциплине многообразно проступают в документах Осоавиахима. В интерпретациях руководителей уральского оборонного общества патриотический модус обретали повседневные социальные практики – стоическое восприятие трудностей быта, стремление к соблюдению гигиены и борьба за культурность. «Точкой

пересечения» образцов патриотизма и дискурсов о здоровом образе жизни и культурности были советские гендерные идеалы. Папанинцы были не только «отважными сынами социалистического Отечества», но и «богатырями», уральские осоавиахимовцы должны были «смело и бодро шагать и без одышки лазать по уральским хребтам», будущие бойцы Красной Армии не имели права быть «вялыми, физически расслабленными» людьми.

Официальная версия женского патриотизма строилась на основе переоценки традиционных для российской империи гендерных ролей. Героини Гражданской войны, жены комсостава и женщины-летчицы одновременно вписывались в раннесоветскую концепцию женской эмансипации и олицетворяли трансформацию общественных представлений о социальных ролях женщин, произошедшую под влиянием Первой мировой и Гражданской войн. Женские образы, структурно повторявшие концепцию идеальной советской мужественности, формировались в контексте ожидания следующей «империалистической» войны. В целях социальной мобилизации пропаганда настойчиво подчеркивала, что в приближающейся войне не будет четких границ между фронтом и тылом, представляла удаленные от эпицентра боевых действий районы такими же уязвимыми и небезопасными, как вероятные прифронтовые территории, а женщин – равноправными и практически равнозначными мужчинам «защитницами» «великой социалистической родины».

Важным источником смыслов для официального патриотического дискурса и основой для групповых интерпретаций патриотизма был опыт Первой мировой и Гражданской войн. Советские мемориальные практики по отношению к Первой мировой войне значительно отличались от европейских. Официальный метарассказ об «империалистической и несправедливой войне» оставлял за рамками публичной коммеморации траур и героику 1914 – 1918 гг. Доминирующим вариантом интерпретации стала демонизация войны, что стимулировало психологию «осажденной крепости». В осоавиахимовской пропаганде и публичной коммуникации Первая мировая чаще всего выступала как основная референция при описании масштабов и форм будущей катастрофы.

Гражданская война, в отличие от Первой мировой, была превращена в «миф о происхождении» Советской власти. Работа по сохранению памяти об

этой войне приобрела масштабный характер: систематически она велась истпартами и музеями, в ней активно участвовал Осоавиахим. Воспоминания о Гражданской войне в отличие от воспоминаний об «империалистической» дольше сохраняли локальную (региональную) специфику и сопротивлялись процессам деиндивидуализации. Так, в начале 1930-х гг. именно местная история доминировала в сценариях Дня освобождения уральского края от «наймита мировой буржуазии» Колчака (15 июля) в Челябинске. Однако уже в середине десятилетия на локальном уровне явственно ощущалось влияние официального патриотического нарратива.

Опыт Первой мировой и Гражданской войн активно использовался в целях патриотической мобилизации населения. Теоретические и прикладные аспекты этого использования разрабатывались в трудах советской военной элиты, исследованиях сотрудников Военно-исторической комиссии и членов Военно-научного общества. Патриотическая тема в коммуникации профессиональных военных была сопряжена с процессом мобилизационного планирования. Военные приписывали будущей войне всеохватный и механизированный характер, что предполагало мобилизацию всех ресурсов воюющих государств, в том числе человеческих. Техногенный характер войны приводил к стиранию границ между фронтом и тылом, вовлекал в орбиту боевых действий гражданское население. На основе этих представлений в военной среде сложилось мнение о необходимости подготовки всего советского населения к будущей войне уже в мирное время. Одновременно особую актуальность приобрел и вопрос о боеспособности будущих комбатантов. После 1914 г. стало очевидным, что воюющая нация пришла на смену профессиональным армиям прошлых эпох. Относительно низкая боеспособность русской армии в Первой мировой войне давала военным богатую пищу для размышлений. О причинах поражений «старой» армии в «германской» войне размышляли А. А. Брусилов, А. И. Верховский, К. Е. Ворошилов, А. А. Свечин, и др.

Идея массового патриотического воспитания и военного обучения стала составной частью плана «военизации» – комплекса мероприятий по повышению обороноспособности страны, предложенного военными в середине 1920-х гг. Несмотря на то, что сам термин постепенно вышел из употребления, концепция продолжала развиваться и к концу десятилетия ее ядром стала идея

создания массовой организации парамилитаристского характера. Такая организация могла бы объединить в своих рядах разные группы советского населения и превратиться в институт адаптации различных вариантов патриотизма.

Взвешенность подхода профессиональных военных становится очевидной, когда фокус исследования перемещается на особенности группового патриотического этоса. Так, патриотические установки уральских ветеранов Гражданской войны – бывших красногвардейцев и «красных партизан» – строились вокруг ностальгических воспоминаний о революции и борьбе за нее. Их «любовь к социалистическому отечеству» можно считать «неартикулированной» из-за отсутствия сформированного словаря и устоявшейся символики. Представители молодого советского поколения, напротив, отличались активным и уверенным использованием ключевых патриотических символов. Этос определенных молодежных групп строился на основе увлечения авиацией, спортом и техникой, романтизации всего военного. Армию и Осоавиахим они воспринимали как социальный лифт, а использование официальной патриотической риторики – как одну из жизненных стратегий на пути к повышению своего социального статуса.

Контрастные образцы толкований понятий родины, армии, отечества представляют собой высказывания представителей национальных меньшинств Урала – татар и башкир, проходивших военную службу в переменных частях Красной Армии. В ситуациях публичной коммуникации переменники-националы демонстрировали владение пропагандистскими штампами, ориентированными на их референтную группу. Критические и непатриотические настроения, проявлявшиеся в разговорах между собой, включали в себя негативную оценку армейской службы, сомнения в реальности военной угрозы, демонстрацию дезертирских и уклонистских намерений, а в отдельных случаях даже оппозиционных высказываний. Рецепция официального патриотизма в группах национальных меньшинств демонстрирует, с одной стороны, готовность артикулировать властные образцы патриотической риторики, а с другой, совпадение модуса оппозиционности «националов» с установками крестьянского населения в целом.

В третьей главе «Осоавиахим и мобилизационные практики в СССР конца 1920-х – 1930-х гг.» рассматривается взаимосвязь военной реформы

1923–1928 гг. и вопроса о создании массовой оборонной организации, основные проблемы первых лет существования Осоавиахима и его уральского отделения, дается характеристика организационно-институциональных основ Осоавиахима, практик патриотической мобилизации и феномена добровольчества.

Сокращение численности советских вооруженных сил после окончания Гражданской войны и введение кадрово-территориальной системы строительства Красной Армии в 1923 г. поставили вопрос о формах и методах подготовки качественных мобилизационных резервов. Невысокая эффективность военного обучения в гражданских учебных заведения ускорила переход к идее массовой парамилитаристской организации. В 1927 г. был образован Осоавиахим – «детище» советской военной элиты, в руководящие органы которого в предвоенное десятилетие входили К. Е. Ворошилов, С. С. Каменев, Л. П. Малиновский, И. С. Уншлихт, Р. П. Эйдеман и др.

С первых дней существования несоответствие официального статуса Осоавиахима (добровольная общественная организация) масштабам и характеру поставленных перед ним задач было причиной его институциональной неустойчивости и нестабильности развития. Это также провоцировало конфликт интересов внутри советского военно-политического руководства. К основным видам деятельности Осоавиахима относились одновременно массовая оборонная работа и подготовка «обязательных контингентов» – красноармейцев-резервистов. Каждое из направлений требовало особых «стратегий» военно-патриотического воспитания. Попытки их сочетания приводили к тому, что периоды погони за массовостью сменялись кампаниями по борьбе с формальным членством, агитация за расширение добровольных видов оборонно-массовой работы стратегией «сужения дверей» общества и ужесточением контроля за качеством военного обучения. В 1929 г. генеральный секретарь ЦС Осоавиахима Л. П. Малиновский обозначил в своем докладе основную проблему, препятствовавшую нормальному развитию оборонного общества – несоответствие государственных «заданий» кадровым и материально-техническим возможностям Осоавиахима, особенно ярко выраженное в регионах. Однако план пятилетнего развития, утвержденный на II Всесоюзном съезде общества (1930 г.), только закрепил внутреннюю противоречивость осоавиахимовской системы.

Одним из основных пунктов плана была идея гигантского количественного роста – наглядной демонстрации массового патриотизма советских людей. В 1932 г. численность Осоавиахима, согласно официальной статистике, перешагнула десятиmillionный рубеж и составила 12 млн., через три года – 13 млн. человек. При этом проверки учета осоавиахимовцев, организованные ЦС в 1932 и 1935–1936 гг., показали, что в рядах организации состояло не более 7 – 8 млн. человек⁵⁸. За миллионными сводками скрывались профанация военно-патриотической работы, массовые приписки, формальное членство и низкое качество военной подготовки. Военно-политическое руководство страны прибегло к административным методам решения проблем: был ужесточен партийный контроль за деятельностью Осоавиахима, форсированы процессы институционализации и дисциплинирования. Так, 26 декабря 1936 г. был утвержден новый устав Осоавиахима, согласно которому «членом общества мог быть только тот гражданин СССР, который работал в одной из организаций»⁵⁹ оборонного общества.

Во второй половине 1930-х гг. Осоавиахим все больше адаптируется к потребностям мобилизационного планирования. В 1935 г. оборонному обществу полностью передали военную подготовку допризывников и вневойсковиков. «Кружковую» систему, подходившую для добровольных видов оборонной работы, сменила стройная «номенклатура» практических организаций. Подготовка «обязательных контингентов» была четко регламентирована армейскими уставами, программами и задачами, которые ставило военное ведомство. Таким образом, институциональная стабилизация осоавиахимовской системы и превращение оборонного общества в элемент мобилизационного планирования, были взаимообусловленными процессами.

Несмотря на то, что в руководстве Осоавиахима, как казалось, победили сторонники идеи превращения этой организации во «вторую Красную Армию», лозунг расширения оборонно-массовой работы не был снят с повестки дня. Изначально при организации добровольных видов военной подготовки была избрана «минималистская» стратегия, подходившая к ситуации материального и кадрового дефицита: упор в практической работе переносился на отдельные отрасли военного дела и военизированные виды спорта. «Локомотивами»

⁵⁸ Гошуляк, В. В. Оборонно-массовая работа партии в годы довоенных пятилеток... С. 84.

⁵⁹ Там же. С. 131–132.

оборонно-массового направления виделись поочередно стрелковое и парашютное дело, противохимическая и противовоздушная оборона, авиация и военно-физкультурная работа. Индустриализация страны и появление новых промышленных предприятий создавали предпосылки для улучшения материально-технической базы массовой оборонной работы, так как строительство аэродромов, покупка самолетов и планеров, установка парашютных вышек зачастую финансировались директорами заводов и фабрик. Налаживание материального обеспечения было основой для экстенсивного распространения сети практических организаций системы Осоавиахима, которая во второй пятилетке стала захватывать даже сельскую местность. Однако это не привело к изменению «стратегии» военно-патриотического воспитания и обучения на «добровольном» направлении: оно не было эффективным и ориентированным на качественные показатели. Ядром оборонно-массовой работы оставались военная пропаганда, популяризация военных навыков, «игровые», состязательные и «развлекательные» методики – мобилизационные кампании, военно-спортивные конкурсы и соревнования, «походы», разнообразные патриотические «движения» и инициативы (производственные «крепости обороны», «ворошиловские стрелки» и др.). Важным импульсом стало введение оборонных нормативов и знаков Осоавиахима, система которых сложилась к середине 1930-х гг.

Практики военно-патриотического воспитания в СССР, несмотря на классовую риторику и пропагандистское акцентирование «особости» советского опыта, были во многом схожи с европейскими. Идея «учения с увлечением», комбинирование патриотического воспитания с растущей популярностью спорта и техники эффективно использовались многими политическими режимами. Зрелищные и игровые элементы оборонной работы, ориентированные в первую очередь на молодежь, одновременно отвечали стремлению сталинского режима к постоянному публичному воспроизводству и инсценированию власти. Интеграция военно-спортивных элементов в праздничную культуру раннего сталинизма позволяла увязать культивирование физического здоровья с приобщением молодого поколения к ритуалам поддержания памяти о революции и Гражданской войне. Таким образом, добровольное «направление» в деятельности Осоавиахима и «обрамлявшие» его мобилизационные акции, не будучи результативными в вопросах качества

военной подготовки, способствовали формированию патриотических установок у советского населения.

Коллизии, возникавшие между официальным патриотическим дискурсом, пропагандой и практиками работы Осоавиахима, открываются при переходе на локальный уровень исследования. Одной из «родовых» черт организации была крайняя пестрота местных отделений. Эта особенность была отображением географического, социального и национального многообразия имперского наследия, доставшегося большевикам. Уральское оборонное общество также является примером наложения локальной специфики на универсалистские центральные проекты. Оно было создано после объединительного съезда Осоавиахима в Москве по плану, разработанному для региональных организаций. Активное участие в его учреждении принимали кадровые военные из штаба 57-й Уральской дивизии и военного бюро Уральского общества содействия обороне – Н. М. Уваров и П. С. Ершов.

Уралосоавиахим считался одной из самых крупных областных организаций. На рубеже 1920 – 1930-х гг. он объединял 15 окружных и 3 национальных окружных совета. В январе 1928 г. на Урале были зарегистрированы 134886 осоавиахимовцев, к 1930 г. их стало в два раза больше. Выполняя стратегическую линию на массовость, руководство Уралосоавиахима планировало довести численность своей организации до 1200 тыс. человек к концу пятилетки. Однако в декабре 1933 г. оно подверглось жесткой критике центра за «взятые с потолка» цифры, и в региональной организации начался процесс сокращения рядов, который продолжался до конца рассматриваемого периода.

Локальный «фокус» исследования обнажает такую специфику осоавиахимовской системы как серьезная разница между оборонной работой в столице и в провинции. Если московская организация Осоавиахима, отличавшаяся «высокой организованностью», «широким охватом трудящихся» и хорошей материальной базой, могла сосредоточиться на качестве военного обучения⁶⁰, уральское оборонное общество в это же время нередко занималось профанацией военно-патриотической деятельности. Дефицит материальных ресурсов и квалифицированных кадров влияли как на количественные

⁶⁰ Гошуляк, В. В. Оборонно-массовая работа партии в годы довоенных пятилеток... С. 89.

показатели работы, так и на ее качественные характеристики. Так, по официальным данным, в 1927 – 1929 гг. во всех практических организациях Уральского Осоавиахима обучались в среднем от 23 до 36% обладателей членских книжек. Качество подготовки, по признанию руководства, было невысоким. В 1931 г., после московской проверки, местные функционеры пришли к выводу о невозможности ведения массовой оборонной работы в масштабах всего региона: были выделены 25 – 30 основных райсоветов на главных промышленных участках Урала, которые было решено превратить в опорные осоавиахимовские пункты. Однако стратегия «точечного развития» и «штурмовые» методы не принесли ожидаемого результата. В 1934 г. ЦС Осоавиахима отмечал неравномерность в развертывании стрелково-спортивной работы на Урале, а успехи в сфере ПВХО в 1933 – 1934 гг. были признаны неудовлетворительными. Вплоть до второй половины 1930-х гг. «слабыми звеньями» в деятельности уральской организации оставались авиационное, планерное и парашютное направления. Чуть лучше, чем массовая оборонная работа, выглядели результаты подготовки «обязательных контингентов». Так, если в 1931 г. выполнение контрольных заданий по добровольным видам составило от 13 до 40%, то военная подготовка резервистов была реализована в среднем на 60 – 80%, хотя показатели по отдельным специальностям сильно отличались. В организациях Осоавиахима Челябинской, Свердловской и Пермской областей не произошло радикальных изменений к лучшему. Архивные документы свидетельствуют, с одной стороны, об улучшении материально-технической базы оборонных обществ, о выполнении и перевыполнении планов по подготовке значкистов. С другой стороны, они раскрывают картину приписок и профанации военной подготовки. Как и на общесоюзном уровне, в ситуацию с военно-патриотической работой на Урале во второй половине 1930-х гг. вмешивался фактор репрессий. Так, в одном из лучших в стране Свердловском аэроклубе после ареста его начальника Афанасьева был сорван набор пилотов, приостановлено масштабное строительство на его территории, а уже заложенные фундаменты зданий – разобраны.

Ограниченная эффективность осоавиахимовской системы в деле военной подготовки населения на Урале не должна затенять другого аспекта его деятельности. Использование элементов игровой, досугово-развлекательной

культуры и спорта в практической работе Осоавиахима превращало оборонное общество в неотъемлемую часть локальной повседневности. Так, во второй половине 1930-х гг. обязательным компонентом в работе местных организаций стали военизированные походы. Общесоюзную известность получили переход на шверботах 6 башкирских допризывников по маршруту Уфа – Москва (1935 г.), лыжный переход жен командиров Уральского военного округа (1935 г.) из Тюмени в Москву и др. Участие в таких формах военно-патриотической работы не было массовым, но активно пропагандировалось как образец патриотического поведения.

Военно-спортивные занятия усиленно интегрировались в локальную праздничную культуру. Так, в программе одной из оборонных массовок 1937 г. в Свердловске значились воздушный парад, высадка десанта, сбрасывание грузов, а также индивидуальный пилотаж. В Сысерти райком комсомола отметил 20-летие РККА двусторонним учением «оборона и наступление», а также организовал «противовоздушно-химическую оборону» Сысерти с участием самолетов, выделенных областным Осоавиахимом. Парамилитаристские элементы превратились в регионе в неотъемлемый элемент досуга. В Свердловском парке культуры и отдыха наряду с эстрадными и танцевальными площадками, читальней, шахматно-шашечным клубом и каруселями были оборудованы парашютная вышка, стрелковые тир, лодочные станции, баскетбольные, крокетные, волейбольные и городошные площадки. За лето 1936 г. с парашютной вышки в ПКиО, по данным обкома партии, были совершены 3500 прыжков. В парке регулярно проходили физкультурные соревнования и сдача норм ГТО.

Особой страницей осоавиахимовской истории, в которой общие проблемы патриотизма и вопросы практической деятельности оборонного общества переплетаются особенно тесно, являются массовые мобилизационные кампании. Они были характерны для второй половины 1920-х гг. и вошли в историографию под названием «военных тревог». Первой крупной акцией стали «Неделя обороны» и кампания «Наш ответ Чемберлену», организованные по поводу ухудшения отношений с Англией в 1927 г. Успех мобилизационной кампании был во многом неожиданным: по данным советской историографии, численность Осоавиахима возросла на 600 тыс. человек, а на собранные средства организация снарядила эскадрилью самолетов «Наш ответ

Чемберлену». Вместе с тем, официальные сведения об успешном проведении акции оставляли за рамками ситуацию в регионах. Так, на Урале первая «неделя обороны» прошла с опозданием, прирост членов общества и сбор средств были признаны неудовлетворительными. Чтобы совсем не провалить ответственное дело, местное руководство объединило ее мероприятия с празднованием освобождения края от Колчака.

В течение нескольких месяцев после «недели обороны» в различных регионах СССР по директивам местных партийных комитетов или с их санкцией стали создаваться особые осоавиахимовские формирования – роты, дружины, полки, а в некоторых местах и более крупные соединения – бригады и дивизии. Они были постоянными, имели свои штабы, кадр начальствующего состава, а в некоторых организациях и форму. В числе инициаторов оказались уральские и башкирские организации Осоавиахима. Неподконтрольные центру проявления патриотизма получили название «отрядной вакханалии». По решению ЦС все постоянные формирования Осоавиахима, как возникшие в 1927 г., так и появлявшиеся позднее, были распущены. В середине 1930-х гг. руководство общества реализовало инициативу «снизу» в «умеренном» варианте – в структуре Осоавиахима появились комсомольские и постоянные учебные строевые подразделения (КУСПы и ПУСПы), а накануне Великой Отечественной войны первичные организации оборонных обществ были преобразованы по армейскому образцу.

Глава четвертая «Осоавиахимовские кадры на Урале» посвящена анализу политики по регулированию социального состава Уралосоавиахима, характеристике его руководящего состава, мероприятий по социальному дисциплинированию, а также факторам экономической мотивации в деятельности уральских функционеров.

Подчеркивая военизированный характер Осоавиахима, его руководство считало необходимым контроль за «классовой чистотой» социального состава организации, что входило в противоречие с политикой ее превращения в «многомиллионный резерв РККА». В аграрной стране расширение социальной базы общества происходило, главным образом, за счет крестьянства. Риск размывания классовой основы Осоавиахима его лидеры пытались компенсировать за счет усиления политической работы, увеличения партийно-

комсомольской прослойки и численности красноармейцев. В уральской организации «компенсирующие» механизмы регулярно давали сбои.

Неудачной оказалась и эмансипационная миссия Осоавиахима в отношении женщин и нерусских национальностей. Доля женщин-осоавиахимовок в уральских организациях никогда не превышала одной четверти их общей численности, а процент женщин, занимавшихся в практических организациях, был еще меньше. Оборонная работа среди «нацменьшинств» наталкивалась на традиционные культурные барьеры – незнание языка, местных обычаев и представлений о гендерном порядке.

Одной из главных причин ограниченной эффективности Осоавиахима в регионе был кадровый фактор. Аппарат и инструкторский состав общества формировались по остаточному принципу – как дополнительная нагрузка партийных и советских функционеров или как альтернативная площадка занятости непригодных для службы в кадровых войсках военных. Это приводило к совмещению должностей и перегруженности руководителей, отодвигавших военно-патриотическую работу на второй план. Местные аппаратчики, наскоро обучавшиеся на краткосрочных курсах руководящего состава, отличались малообразованностью и плохой квалификацией в военной области. О низком качестве осоавиахимовских кадров свидетельствовали слабая дисциплина, финансовые нарушения и массовые злоупотребления служебным положением в оборонном обществе.

Серьезный вред профессионализации оборонного общества нанесли репрессии. «Чистки», аресты и расстрелы затронули как высшее военно-политическое руководство Осоавиахима, так и руководящих работников на местах. В оборонном обществе Урала «образ врага» имел характерные локально-исторические очертания: массовой категорией вычищаемых были «колчаковцы».

Советские практики социального дисциплинирования, основанные на методах материального и морального стимулирования или на репрессивных мероприятиях, не привели к значительным изменениям в сфере военно-патриотического воспитания. Эффективность оборонного общества оставалась низкой на протяжении всего межвоенного периода. Усиление Осоавиахима кадровыми военными (осоавиахимовская «тысяча») и введение воинской

дисциплины на основе уставов РККА приносили результаты лишь при решении локальных задач, например, в деле подготовки резервистов первой очереди.

В условиях «тотального дефицита» Осоавиахим превращался в один из каналов доступа к материальным ресурсам. Экономические выгоды от поступления на работу в военно-патриотическую организацию нередко были приоритетными в мотивационной структуре советских граждан. Акты проверок центральной и областной ревизионных комиссий регистрировали многочисленные нарушения работников уральского оборонного общества (хищения, самоснабжение и снабжение посторонних лиц, использование учащихся на хозяйственных работах, организация коммерческих предприятий с использованием материальной базы Осоавиахима). Они дают представление о повседневных стратегиях «выживания» и приспособления советских граждан в конце 1920-х – 1930-е гг.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Мобилизационное планирование, реформа вооруженных сил СССР 1923–1928 гг. и создание общесоюзной массовой военно-патриотической организации являются тесно переплетенными процессами. Контуры системы подготовки и накопления многомиллионных резервов на случай войны были намечены в проекте «военизации», который предполагал не только подготовку качественных бойцов из числа военнообязанных, но и военно-патриотическое воспитание и обучение всего советского населения. Одним из главных социальных и политических институтов реализации проекта стало оборонное общество Осоавиахим, образованное в 1927 г.

Рассмотренная в более широком контексте деятельность Осоавиахима была составной частью процесса, нацеленного на создание наднационального «воображаемого сообщества» в межвоенном СССР. В процессе поиска идеологической доктрины, способной выполнить функции цементирующего нарратива в неоднородном, многополюсном, социально и национально многообразном советском обществе, была инструментализирована идея патриотизма. Дискурс, который большевики считали принадлежностью «буржуазных отечеств», подвергся частичной реабилитации и трансформации, был аранжирован марксистскими идеями и воспитательной концепцией Нового человека. Архитектоника официального патриотизма в СССР была выстроена с

использованием элементов имперского патриотического дискурса, его динамизм и эклектичность открывали возможности для интерпретаций, отражающих социальное, гендерное, национальное и локальное разнообразие советского населения. На групповом уровне рождались причудливые толкования официальной символики – от досовременных и мифологизированных представлений об особенностях того или иного народа (башкирский народ как народ-воин) до авангардных гендерных репрезентаций (женщины как защитницы отечества).

Групповые интерпретации официального патриотизма были тесно связаны с инструментализацией опыта прошедших войн. Ветераны мировой и Гражданской войн выражали свои патриотические установки, обращаясь к символам и практикам боев за революцию. В молодежной риторике патриотизма память о прошедших войнах занимает маргинальное положение, уступая место романтизации воинской службы, апологии техники, спорта и современных образцов героизма. С помощью эмансипационных паролей официальный патриотический дискурс адаптировался для женской части советского населения и национальных меньшинств.

Осоавиахим был не только важным мобилизационным институтом, но и агентом социальной инженерии, пространством институционализации желательных режиму массовых социальных практик. В отличие от Красной Армии оно было открыто почти для всех категорий советского населения. Маргинализованные субъекты рассматривали его как один из каналов приспособления и выживания.

Оборонное общество стало также органичной частью советской политической и социально-экономической системы и элементом советской повседневности. Проникновение Осоавиахима в повседневность проявилось в милитаризации праздничной и досуговой культуры в межвоенном СССР. Парашютные вышки и лодочные станции, тир и военные городки были неотъемлемой частью советских ПКиО и городских садов, а праздничные мероприятия сопровождалось показательными выступлениями оборонных значкистов и ворошиловских конников, военными играми и катанием на самолетах.

Стратегическое и тактическое использование Осоавиахима для решения широкого спектра проблем входило в противоречие с концепцией части его

военного руководства. Представление об оборонном обществе как эрзаце или «второй» Красной Армии предполагало сужение его социальной базы и прагматичный подход к постановке задач. Между тем миллионная, трудно управляемая организация не могла эффективно готовить мобилизационные резервы и таким образом выполнить задачу, возложенную на нее в середине последнего предвоенного десятилетия. Лишь на отдельных направлениях – в подготовке парашютистов, деятельности аэроклубов, «штучном» обучении снайперов – Осоавиахим способствовал созданию кадровой основы для формирования авиационных и десантных подразделений, снайперских команд, подготовил почву для массового привлечения женщин во вспомогательные и боевые части Красной армии во время Великой Отечественной войны.

В региональном «разрезе» оборонное общество функционировало больше как мобилизационный институт. Ограниченность материальных и кадровых ресурсов, высокая мобильность населения, ускользавшего из под контроля осоавиахимовских функционеров, зачастую превращала оборонную работу в профанацию. Однако, несмотря на ограниченную эффективность в деле боевой подготовки, почти за два десятилетия существования Осоавиахима в уральском регионе удалось создать институциональную сеть для целей военной подготовки, переподготовки и обучения, которая могла быть использована для обучения боевых резервов в тылу, что и произошло в 1941 – 1945 гг.

Таким образом, комплексный подход к изучению Осоавиахима, а также исследование его истории в региональном разрезе показывает, что функции и социальный эффект от деятельности оборонного общества выходил далеко за рамки узко понимаемых целей и задач патриотического воспитания и военного обучения. Наряду с армией, партийно-комсомольскими организациями и другими социальными институтами советского общества, Осоавиахим был встроен в структуру политической индоктринации, социальной мобилизации, социального контроля и дисциплинирования населения. Практики военно-патриотического воспитания и обучения, зачастую малоэффективные в деле подготовки современного бойца и командира, были нацелены на достижение более долговременного и стратегически более глобального результата – выработку советских механизмов и форм самоидентификации.

**По теме диссертационного исследования опубликованы
следующие работы:**

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Никонова, О. Ю. Советский патриотизм в провинции: случай «красных партизан» [Текст] / О. Ю. Никонова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – № 3. – Вып. XVI. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск: Изд-во Магнитог. ун-та. – С. 168–181 (1,1 п.л.).
2. Никонова, О. Ю. Сталинский официальный патриотизм и его групповые интерпретации [Текст] / О. Ю. Никонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2011. – Вып. 17. – № 30. – С. 25–27 (0,23 п.л.).
3. Никонова, О.Ю. Как из крестьянки Гайдиной сделать Марину Раскову, или о теории и практике воспитания советских патриотов [Текст] / О. Ю. Никонова // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 112. – С. 192–210 (1,5 п.л.).
4. Никонова, О.Ю. Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927–1941 гг.) [Текст] / О. Ю. Никонова // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 90–104 (0,75 п.л.).
5. Никонова, О.Ю. Советский патриотизм на плакате: визуализация любви к родине в 1930-е гг. [Текст] / О. Ю. Никонова // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 1(18). – С. 278–288 (1,2 п.л.).
6. Никонова, О.Ю. Вопрос о «праве на выстрел» и социальное лицо уральского Осоавиахима (1927–1934 гг.) [Текст] / О. Ю. Никонова // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2012. – Вып. 50. – № 11 (265). – С. 48–51 (0,4 п.л.).
7. Nikonova, O. Yu. Soviet patriotism in a comparative perspective: a passion for oхymora [Text] / O. Yu. Nikonova // Studies in East European Thought. – 2010. – Vol. 62. – № 3–4. – P. 353– 376 (1,9 п.л.).

Монография:

8. Никонова, О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.) [Текст] : монография / О. Ю. Никонова. – М.: Новый Хронограф, 2010. – 440 с. (27,5 п.л.).

Другие публикации:

9. Никонова, О. Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период [Текст] / О. Ю. Никонова // Человек и война : Война как явление культуры : сб. статей / под ред. И. В. Нарского и О. Ю. Никоновой. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 399–419. (1,16 п.л.)

10. Никонова, О. Ю. Осоавиахим [Текст] / О. Ю. Никонова // Челябинск: Энциклопедия / сост. В.С. Боже, В. А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск: Камен. пояс, 2001. – С. 592–593 (0,1 п.л.)
11. Никонова, О. Ю. Оловянные солдатики, или как мы укрепляли обороноспособность страны (зарисовка из провинциальной осоавиахимовской жизни) [Текст] / О. Ю. Никонова // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках: сб. статей / под ред. И. В. Нарского. – Челябинск: Камен. пояс, 2003. – С. 216–229 (1,1 п.л.).
12. Nikonova, O. Yu. «Der Kult des Heldenmutes ist noetig, um Siege zu erringen...» Sowjetisches Militaer und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges [Text] / O. Yu. Nikonova // Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen/ hg. von C. Horst, H.-H. Kortuem, D. Langewiesche [u. a.]. – Berlin : Akademie Verlag, 2004. – S. 185–199. (1,2 п.л.)
13. Никонова, О. Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы [Текст] / О. Ю. Никонова // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. – Челябинск: Камен. пояс, 2004. – С. 489–506 (1,4 п.л.)
14. Никонова, О. Ю. «Воинская доблесть нуждается в культе, и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»: опыт Великой войны и советский патриотизм [Текст] / О. Ю. Никонова // Война и общество: К 90-летию начала Первой мировой войны : мат. межвуз. науч. конф., 10–11 декабря 2004 г. / отв. ред. А. Б.Окунь. – Самара: Универс-групп, 2004. – С. 119–130 (0,6 п.л.).
15. Никонова, О. Ю. Военный опыт и формирование советского патриотизма [Текст] / О. Ю. Никонова // Россия и война в XX столетии: Взгляд из удаляющейся перспективы : мат. международного интернет-семинара / сост. Ю. Хмелевская / предисл. И. Нарский. – М.: АИРО, 2005. – С. 102–115 (0,8 п.л.).
16. Никонова, О.Ю. «Давайте прыгать, девушки!», или советский патриотизм в гендерном измерении [Текст] / О. Ю. Никонова // Гендерные исследования. – 2005. – № 13. – С. 38–55 (1,4 п.л.).
17. Никонова, О. Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» [Текст] / О. Ю. Никонова // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 40–41 (1 п.л.).
18. Никонова, О. Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» [Текст] / О. Ю. Никонова // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 563–576. (1 п.л.)
19. Никонова, О. Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации [Текст] / О. Ю. Никонова // Проблемы российской истории : К 60-летию Победы. – Магнитогорск : МаГУ , 2005. – Вып. V. – С. 230–263 (1,9 п.л.).
20. Никонова, О. Ю. Военные праздники и ритуалы как инструмент военно-патриотического воспитания [Текст] / О. Ю. Никонова // Опыт мировых

войн в истории России : сб. статей / под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой [и др.]. – Челябинск : Камен. пояс, 2007. – С. 181–207 (2,1 п.л.).

21. Никонова, О. Ю. Чемберлен, милитаризм и любовь к социалистическому отечеству [Текст] / О. Ю. Никонова // Проблема насилия в истории России: труды межвузовского научно-практич. Семинара, 17 апреля 2007 г. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-мастер», 2007. – С. 50–64. (0,4 п.л.)

22. Nikonova, O. Yu. Sowjetpatriotismus im Ural (Motivation, Interpretation und Mobilisierungsstrategien) [Text] / O. Yu. Nikonova // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. – 2007. – № 4. – S. 566–584 (1,5 п.л.).

23. Никонова, О. Ю. Советская пропаганда, война и неформальная коммуникация на Урале в 1920 – 1930-х гг. [Текст] / О. Ю. Никонова // Проблемы истории российской цивилизации: труды научно-специализированной конфер. препод. вузов, ученых и специалистов. – Челябинск : ООО «Полиграф-мастер», 2008. – С. 41–53 (1,4 п.л.).

24. Nikonova, O. Soviet Amazons: Women Patriots during pre-war Stalinism [Text] / O. Nikonova // Minerva. Journal of Women and War. – 2008. – № 1. – P. 84 – 99 (1,3 п.л.).

25. Nikonova, O. Das große Schweigen: Frauen im Krieg [Text] / O. Nikonova // Osteuropa. – 2005. – № 4–6. – S. 186–195 (0,73 п.л.).

26. Никонова, О.Ю. Историк как «зеркало» эпохи: «не совсем научная» биография А.П.Абрамовского [Текст] / О. Ю. Никонова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2009. – № 32. – С. 7–12 (0,6 п.л.).

27. Никонова, О. Патриотические сцены из уральской провинциальной жизни// Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею профессора И.В. Нарского) / под ред. О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой, Ю. Ю. Хмелевской. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 308–318 (0,6 п.л.).

28. Никонова, О. Ю. Историк как «зеркало» эпохи: «не совсем научная» биография А.П.Абрамовского [Текст] / О. Ю. Никонова // Жизнь в истории: сб. науч. статей к 85-летию проф. Андрея Петровича Абрамовского / ред.-сост. Е. А. Калинин, П. Ф. Назыров, О. Ю. Никонова. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 6– 16 (0,6 п.л.).

29. Nikonova, O. Russlands militaerische Vergangenheit und der sowjetische Patriotismus. Versuch einer Problemstellung [Text] / O. Nikonova // Das Jahrhundert des Gedaechtnisses. Erinnern und Vergessen in der russischen und sowjetischen Geschichte im 20. Jahrhundert. – Olearius Press, 2010. – S. 226–244 (0,75 п.л.).

30. Никонова, О. Ю. Война, рассказанная «по секрету»: слухи и возможности их интерпретации [Текст] / О. Ю. Никонова // Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. – Челябинск : Камен. пояс, 2011. – С. 75–103 (2,3 п.л.).

31. Никонова, О. Ю., Раева, Т.В. Первая мировая война в праздничной коммеморации раннесоветской эпохи [Текст] / О. Ю. Никонова, Т. В. Раева // Проблемы истории российского социума: труды межвузовской науч.-практ. конфер. препод. вузов, ученых и специалистов, 31 мая 2011 г. – Челябинск, 2011. – С. 4–23 (1,75 п.л./1 п.л.).

32. Никонова, О. Ю., Нагорная, О. С. Память о Первой мировой войне в советских учебниках межвоенного периода [Текст] / О. Ю. Никонова, О. С. Нагорная // Культурная память и мемориальные коммуникации в современных учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы : сб. докладов и материалов междунар. конфер., 25–28 сентября 2011 г., Саратов / сост. Т. А. Боголюбова, Н. И. Девятайкина / под ред. Н. И. Девятайкиной. – Саратов : ИЦ «Наука», 2012. – С. 278 – 293 (1,2 п.л./0,7 п.л.).

Подписано в печать

Усл.печ.л. 2

Тираж 100 экз. Заказ

Типография